

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-8-30

Азиатская Россия – основные противоречия современного развития¹

Ю.С. ЕРШОВ. E-mail: eryus@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3526-3727

О.В. ТАРАСОВА. E-mail: tarasova.o.vl@gmail.com

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

ORCID: 0000-0003-3523-7641

Аннотация. В работе объясняется, почему Сибирь и Дальний Восток, многократно превосходящие европейскую часть страны по территории и наличию природных ресурсов, с начала рыночных реформ сменили опережающий (относительно среднероссийского) тренд своего развития на замедленный. Этот тренд привел к снижению доли макрорегиона в суммарном ВРП, численности населения и занятых в экономике. Показаны основные причины таких изменений пространственной структуры экономики, прямо противоположных тем, которые имели место в советский период. К ним не относятся ни климатические различия, ни транспортная удаленность – эти факторы существовали и в прошлом. Первая из причин смены тренда – длительный и глубокий экономический кризис, обусловивший резкое сокращение инвестиций и нового строительства, за счет чего ранее и обеспечивался ускоренный рост экономики Азиатской России. Вторая – изменение системы распределения доходов от экономической деятельности между непосредственными производителями и остальными участниками этой деятельности. Отмечается, что главное последствие этих изменений – концентрация доходов в столичном регионе, и что европейская «периферия» пострадала даже в большей степени, чем Азиатская Россия.

Ключевые слова: численность населения; пространственная структура производства; темпы роста; климат; транспорт; распределение доходов; коррекция

До начала 1990-х гг. азиатская часть России в целом развивалась ускоренными темпами. Сводные макроэкономические показатели, такие как валовой общественный продукт, национальный доход и, тем более, ВРП в советской статистике по отдельным регионам не рассчитывались. Но если бы они существовали, то показали бы опережающую динамику по сравнению с европейской частью РСФСР. Формально косвенным, но бесспорным индикатором повышенных темпов роста является опережающая динамика численности населения, поскольку она обуславливает

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ-РГО № 17-05-41018 «Комплексная оценка вариантов формирования опорной транспортной сети азиатской части России: ресурсные и социально-экономические возможности».

и повышенные темпы роста не только сферы услуг, но и строительства, энергетики, торговли, транспорта, связи и отдельных отраслей промышленности, ориентированных на региональные рынки.

За период между переписью 1959 г. и вплоть до 1990 г. рост численности населения Азиатской России² заметно опережал аналогичный показатель для европейской части. При этом чем восточнее и севернее, тем более выразительным было это опережение. Если за период 1959–1989 гг. население европейской части увеличилось на 21,5%, то для азиатской прирост составил 43,2%, в том числе для Западной Сибири – 33,8%, для Восточной – 42,3%, для Дальнего Востока – 66,4%. Наиболее впечатляющим был рост населения в районах Крайнего Севера и приравненных к ним территориях – на Чукотке в 3,5 раза, в Магаданской области (в современных границах) – в 2,1 раза, в Якутии – в 2,3 раза, в Камчатской области – в 2,2 раза. Рекордсменами в части демографии стали Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа – здесь население увеличилось соответственно в 10,2 и 7,8 раза³.

Зарубежных аналогов столь стремительного заселения регионов с экстремальными климатическими условиями нет. Так, Канадский Север – это Юкон, Северо-Западные территории и Нунавут общей площадью суши 3,6 млн км² имеет население численностью всего 107 тыс. чел. Крупных городов нет, основной вид транспорта – авиация⁴. Население нашей Чукотки с территорией почти в пять раз меньшей, в начале 1990 г. превышало 162 тыс. чел. Более плотно заселен американский штат Аляска, но темпы роста его населения никогда не были столь стремительными, как на севере Азиатской России в советские времена, даже в период нефтяного бума, когда за два десятилетия добыча нефти

---

² В качестве Азиатской России в статье рассматриваются территории Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного экономических районов в тех границах, которые имели место до перехода к разделению на федеральные округа – в современной терминологии это Сибирский и Дальневосточный округа плюс Тюменская область.

³ Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 г. по республикам, краям, областям .... М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960. Российский статистический ежегодник. Стат. сб./ Госкомстат России. М., 2001. С. 82–83.

⁴ URL: <https://vancouverok.com/naselenie-kanady>; URL: http://www.statcan.ca/francais/Pgdb/phys01_f.htm

увеличилась с нуля до 100 млн т. За 1980-е гг. прирост населения составил 36%, за последующие почти 40 лет (по 2018 г.) – 31%⁵.

В итоге доля азиатской части в общем населении России возросла с 19,2 до 21,9%. И такое изменение пространственной структуры населения казалось вполне естественным. Изобилие разнообразных природных ресурсов во все времена было главным стимулом освоения и заселения территорий. При прочих равных условиях, т.е. при такой же квалификации работников и характеристиках используемой техники, как и в ресурснедостаточных регионах, сдвиг производительных сил на восток обеспечивал Азиатской России повышенную производительность труда. При таких предпосылках опережающий рост ее экономики должен был иметь место на очень длительную перспективу.

Так считали многие советские ученые, отстаивая эту точку зрения как в научной литературе [Орлов, 1974; Очерки..., 1980; Сибирь..., 1980], так и в научно-популярной [Аганбегян, Ибрагимова, 1981, 1984], призывающей к участию в освоении богатств Сибири и Дальнего Востока. И руководство страны проводило вполне очевидную политику материального поощрения тех, кто живет в самых отдаленных районах и районах с экстремальными условиями вплоть до окончания советского периода.

Начало внутреннего неокOLONиализма. Азиатская Россия нужна прежде всего как поставщик ресурсов, а не как их потребитель

Однако с начала рыночных реформ все пошло в обратном направлении, и чем севернее и восточнее, тем хуже. Численность населения Европейской России к 2018 г. осталась практически на уровне начала 1990 г.⁶ (табл. 1). Население Западной Сибири уменьшилось на 1,8%, Восточной – почти на 11%, Дальнего Востока – на 23,4%, азиатской части в целом – на 9,8%. И опять в числе теперь уже «антирекордсменов» северо-восточные регионы – население Чукотки уменьшилось в 3,3 раза, Магаданской области – в 2,7 раза, Камчатки – более чем в 1,5 раза, Сахалина – в 1,46 раза.

⁵ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аляска>

⁶ Для сопоставимости – по Европейской России без учета населения Крыма.

Таблица 1. Динамика численности населения РФ в 1959–2018 гг., тыс. чел.

Регион	1959	1990	2000	2010	2018
Европейская Россия	95,0	115,4	116,3	113,8	115,4
Азиатская Россия	22,6	32,3	30,6	29,0	29,1
Западная Сибирь	11,3	15,0	15,0	14,5	14,8
Восточная Сибирь	6,5	9,2	8,7	8,2	8,2
Дальний Восток	4,8	8,0	6,9	6,3	6,2

Примечание: 1959 г. – на дату переписи (15 января), далее – оценка на начало года.

Источник. Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 года по республикам, краям, областям .... – М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960. Российский статистический ежегодник. Стат. сб./ Госкомстат России. М., 2001 и последующие годы.

Вследствие отрицательного сальдо миграции населения Азиатская Россия за период 1990–2017 гг. потеряла 2470 тыс. чел., Европейская Россия получила 12300 тыс. чел⁷. Каковы в этих показателях составляющие внутренней и международной миграции, точно неизвестно – статистика последней для 1990-х годов в пространственном разрезе отсутствует. Если принять гипотезу о том, что около 10 млн чел. миграционного прироста Европейской России обеспечила международная миграция, то именно ею почти полностью и объясняется изменение пространственной структуры населения в пользу европейской части страны. Без этих 10 млн здесь имело бы место сокращение численности на 9% по сравнению с началом 1990 г. – почти такое же, как и в Азиатской России.

Международная, а точнее, межреспубликанская миграция в советский период частично объясняет и относительно невысокие темпы роста численности населения Европейской России. РСФСР за послевоенный период до начала 1990-х потеряла вследствие отрицательного сальдо межреспубликанской миграции несколько миллионов человек. Рост населения в союзных республиках европейской части СССР заметно опережал рост населения в европейской части РСФСР. Так, население республик Прибалтики за период между переписями 1959 и 1989 гг. увеличилось на 32% (при более низких коэффициентах естественного прироста по сравнению с Россией), в Белоруссии прирост составил 27%, на Украине – 23,5%, население Молдавии выросло в 1,5 раза.

⁷ Показатели рассчитаны с использованием данных о численности населения на начало года, числе родившихся и умерших за период 1990–2017 гг.

Значительный вклад в эти повышенные показатели прироста внесли мигранты из России. Они же в основном осваивали и целинные земли Казахстана, строили крупные промышленные предприятия и впоследствии работали на них в Казахстане и в республиках Средней Азии. В пятидесятых и даже шестидесятых годах XX в. фактор трудоизбыточности или перенаселенности этих республик еще не ощущался – численность их населения была в разы меньше, чем сейчас. Так, население Таджикистана в 1959 г. составляло менее 2 млн чел., Узбекистана – 8,1 млн (по сравнению с соответственно 9,1 и 33 миллионами в 2018 г.).

Среди переезжавших сюда на постоянное место жительства сибиряки и дальневосточники составляли, по всей видимости, очень малую часть – у них были свои и целина, и гигантские стройки.

Когда с начала 1990-х пребывание в бывших союзных республиках стало некомфортным, эти люди в массовом порядке стали возвращаться в Россию. Естественно, в первую очередь туда, откуда приехали и где остались их родственники – в Европейскую Россию. Таким образом, влияние международной миграции на изменение пространственной структуры населения в разрезе Европа-Азия за период с начала 1990-х было намного более значимо, чем влияние внутренней межрегиональной миграции.

Изменение пространственной структуры населения – важнейший фактор, определяющий и изменение пространственной структуры производства. Даже на уровне субъекта Федерации средней величины около 2/3 занятых в экономике работают на местный рынок. Это занятые в сфере нематериальных услуг, на транспорте и в связи, в торговле и общественном питании, энергетике, строительстве, значительная часть занятых в сельском хозяйстве, пищевой промышленности, производстве стройматериалов.

Динамика численности населения сильно влияет на динамику спроса на региональном рынке и, следовательно, динамику численности занятых в экономике и валового регионального продукта. Причем та часть динамики, которая определяется миграцией, в расчете на одного человека намного более значима, чем динамика, определяемая естественным движением населения – прибывающие на постоянное место жительства в большинстве своем прибывают с деньгами, увеличивающими спрос на товары и услуги на региональном рынке, убывающие – увозят деньги, что, естественно, оказывает негативное влияние на региональную экономику.

Мы не можем оценить влияние миграции и сопряженного с нею негативного влияния на спрос со стороны населения на внутреннем рынке Азиатской России и, соответственно, на ее экономику за весь период, начиная с 1990 г., ввиду отсутствия данных о валовом региональном продукте в начале периода. Потому сопоставим пространственные структуры суммарного ВРП за 1995–2017 гг. В 1995 г. на Азиатскую Россию приходилось 28,5% суммарного ВРП и 21,2% населения России, в 2017 г. – соответственно 25,0% и 20,2% (без Крыма) (табл. 2). Душевые номинальные показатели ВРП здесь росли медленнее, чем в европейской части.

Таблица 2. Пространственная структура суммарного ВРП в РФ в 1995–2017 гг., %

Регион	1995	2000	2008	2010	2017
Европейская Россия	71,50	72,77	76,12	74,68	75,00
Азиатская Россия	28,50	27,23	23,88	25,32	25,00
Западная Сибирь	15,46	15,08	14,82	14,34	14,55
Восточная Сибирь	7,27	6,78	4,54	5,38	5,13
Дальний Восток	5,77	5,37	4,53	5,60	5,18

Источники табл. 2, 3: «Национальные счета России» за 2014–2018 гг. Росстат, М., 2015–2019 и предыдущие издания.

Значительное влияние на изменение пространственной структуры оказало изменение структуры не собственно производства и производственных мощностей, а межотраслевые различия в темпах роста цен и изменения в системе распределения доходов от экономической деятельности. Наши расчеты показали, что если бы пространственная структура менялась лишь в результате межрегиональной дифференциации индексов физического объема, то ее изменения были бы намного меньшими [Yershov, 2016]. Особенно заметно это на показателе ВРП российской столицы – здесь по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» в 2018 г. объем «отгрузки» составил 1,8 трлн руб. против 1,3 трлн годом ранее. Но индекса физического объема нет, поскольку нет товаров-представителей, необходимых для его расчета.

Кроме того, использование номинального ВРП в качестве главного показателя для оценки масштабов межрегиональной дифференциации душевых показателей производства приводит к существенно большим различиям, чем, например, использование чистого продукта – вновь созданной стоимости. Еще больше сокращаются различия в производственных показателях и,

особенно в показателях потребления при переходе от номинальных показателей к реальным (по аналогии с паритетом покупательной способности в международных сопоставлениях), если учитывать межрегиональные различия в ценах (об этом подробнее в другой работе автора [Ершов, 2019]).

Адекватным изменению пространственной структуры населения было и изменение пространственной структуры занятых в экономике. В 1995 г. на Азиатскую Россию приходилось 21,9% от общей численности занятых, к 2017 г. этот показатель упал до 19,6%. В общей численности безработных, напротив, ее доля увеличилась с 21,3 до 24,8%.

Сибирские ученые-экономисты и в условиях утраты Сибирью и Дальним Востоком части позиций в суммарных итогах экономической деятельности продолжали отстаивать тезис о том, что реальная значимость региона для страны намного больше, чем та, которая вытекает из простого сопоставления статистических данных по регионам. И это действительно так, если учесть его вклад в ту часть ВВП страны, которая рассчитывается лишь на федеральном уровне и по регионам не распределяется, прежде всего, в доходах от внешнеэкономической деятельности. В том числе не только для текущего момента, но и в части обеспечения перспектив развития экономики страны в целом [Сибирь на пороге..., 1999; Сибирь в первом десятилетии..., 2008; Современная роль..., 2014; Akhtamov, et al., 2017]. Но следует признать, что в совокупности наиболее перспективных проектов на территории азиатской части страны доминировали топливно-сырьевые и транспортные, ориентированные прямо и косвенно на увеличение экспорта сырья.

Вернемся к причинам смены советских трендов пространственного развития на противоположные. Почему же люди в массовом порядке стали покидать северные и восточные районы? Что изменилось в условиях их жизни и деятельности?

Климат? Но больше «губит людей не холод, губит людей жара»

Климатические различия очень хорошо объясняют различия в плотности населения – чем холоднее, тем, при прочих равных условиях, менее комфортна жизнь, да и затраты на производство в большинстве отраслей выше. Среднесуточная температура января даже в самых северных районах европейской части намного

выше, чем в самых южных регионах Сибири – так, за период 2001–2017 гг. в среднем она составила в Республике Коми и в Архангельской области соответственно $-16,6\text{ }^{\circ}\text{C}$ и $-12,4\text{ }^{\circ}\text{C}$ против $-26,7\text{ }^{\circ}\text{C}$ в Республике Бурятия и в Забайкальском крае. Среднесуточная температура июля в регионах, где проживает подавляющее большинство сибиряков, лишь на 2–3 градуса ниже, чем в Центральной России⁸.

Отдельные авторы придают климатическому фактору гипертрофированное значение. Так, на рубеже веков стала достаточно популярной книга А. П. Паршева «Почему Россия не Америка» [Паршев, 2001]. Главная мысль автора – большинство отраслей экономики России в условиях ее открытости неконкурентоспособны вследствие повышенных энергозатрат, обусловленных нашим климатом. Автор явно перегибает с оценкой климатического фактора, тем более что пишет он о всей России, а не о районах Крайнего Севера и приравненных к ним. Ранее уже было показано [Ершов, 2016 а, б], что значение климатического фактора А. П. Паршев очень сильно преувеличил, а его печальные выводы обусловлены длительной экономической катастрофой 1990-х гг. Если бы подобная книга вышла сейчас, она вряд ли имела бы успех, особенно на фоне тех результатов, которых достигло в XX в. российское сельское хозяйство – наиболее зависимый от климатических условий вид деятельности. Главные причины нашего отставания от Америки и многих других стран с климатом не связаны, но часть из них, к сожалению, неустранима.

В каком-то смысле жаркий климат даже хуже, чем холодный. Во-первых, зима – это лучший санитар, и к тому же бесплатный. Местами зарождения и первоначального распространения различных вирусов и лихорадок всегда были теплые страны. Равно как и многих вредителей сельхозкультур типа саранчи. Во-вторых, в истории разных регионов и планеты, и России бывают периоды аномальной жары и аномальных морозов. Что касается последних, то мы никогда не слышали, чтобы в это время имел место явный рост смертности населения из-за обморожений или переохлаждений. А аномальная жара всегда приводит к увеличению смертности. И не только в Европе.

---

⁸ Рассчитано по данным, приведенным Росстатом со ссылкой на Росгидромет: «Регионы России. Основные характеристики субъектов Федерации». 2018. Стат. сб. / Росстат. М., 2018 и предыдущие издания.

Так, лето 2010 г. в Центральной России было аномально жарким – среднесуточная температура июля в Центральном округе составила плюс 25 градусов – на пять градусов выше средних многолетних значений. И аномальной была для этого года и статистика смертности – в июле-августе число умерших в России было на 55,7 тыс. больше, чем в 2009 г. и на 55,6 тыс. больше, чем в 2011 г. И этот результат был достигнут за счет Центрального округа (здесь прирост числа умерших в июле-августе по сравнению с 2009 г. составил 29%) и ряда соседних областей Южного и Приволжского, где лето 2010 г. тоже было аномально жарким. Только в Москве дополнительное количество смертей в июле-августе 2010 г. составило около 11 тыс. чел. (по сравнению с аналогичными показателями как 2009, так и 2011 гг.) – вряд ли таким же будет вклад коронавируса образца 2020 г. В Азиатской России в 2010 г. аномальной жары не было, и сохранилась обычная сезонная статистика числа умерших.

Кстати, 2010 г. отличился для Центральной России и аномально холодной зимой – среднесуточная температура января в Центральном округе составила минус 15,3 – на 7,5 градусов ниже средних многолетних значений. Но никакого роста числа умерших по сравнению с предшествующими годами в округе не было.

Может быть, жара отчасти является и причиной высокой смертности и низкой продолжительности жизни в жарких странах. Для ответа статистики нет – там каждое лето «аномально жаркое». А жаркий климат – это плохо и для экономики, и для жизни в целом, такова, например, точка зрения Дэвида Ландеса [Landes, 1998] – кроме изобилия болезней, он приводит и к дефициту воды.

У А.П. Паршева нашлось достаточно много противников. В.И. Данилов-Данильян назвал его главные выводы чушь [Данилов-Данильян, 2002]. В еще более грубой форме автору ответил Д. Орешкин в своей книге «Климат и А.П. Паршев как жертвы аборта» [Орешкин]. Более аккуратную, частично соглашаясь с некоторыми выводами автора, оценку содержания книги сделал Г.И. Ханин [Ханин]. А.П. Паршев, конечно, был бы более убедительным в своих выводах, если бы писал не о России в целом, а, например, лишь о районах Крайнего Севера и приравненных к ним. В книге очень много эмоций и преувеличений, а ссылок на нормальную статистику нет (например, о межрегиональных различиях в себестоимости сельхозпродукции, в сметной стоимости

строительства жилья и т.п.). Но главное – ее содержание свидетельствует о патриотизме автора, искреннем желании изменить условия, в которых находится наша экономика, в лучшую сторону.

Альтернативный взгляд имеет место у ряда зарубежных исследователей. обстоятельный нейтральный обзор зарубежных точек зрения и по поводу климата, и по поводу больших малонаселенных пространств был выполнен Л. В. Мельниковой [Мельникова, 2004, 2005]. В отличие от А. П. Паршева, у зарубежных авторов чаще доминирует антисоветизм, т.е. осуждение деятельности советского руководства в части масштабов освоения Сибири и Дальнего Востока. И это естественно, поскольку западная экономическая наука политизирована не меньше, чем была советская, и Россия, хотя и капиталистическая, но как преемник СССР, вряд ли получит когда-нибудь от западных экономистов такие рекомендации, которые действительно будут содействовать укреплению ее экономики.

Самой известной в России книгой такого рода стала работа Ф. Хилла и К. Гэдди «Сибирское проклятье: как коммунистические плановики заморозили Россию» [Hill, Gaddy, 2003]. Основной вывод авторов – восток России перенаселен, из-за этого страна несет значительные дополнительные энергозатраты. Но почему авторы ограничились только Россией? Аналогичные выводы должны быть еще более справедливы и в отношении Китая. Синцзян-Уйгурский автономный район, Внутренняя Монголия, три северо-восточные провинции Китая – население больше, чем во всей России, а климат – как в южных районах Сибири и Дальнего Востока. И если «перенаселенность» Азиатской России можно объяснять ошибками советского прошлого, то для Китая это современность. Но для Китая, по-видимому, такую книгу писать бесполезно – там ее не будут ни переводить, ни обсуждать.

Закончим тему климата. Климатические различия остались такими же, как и в дореформенные времена. А с точки зрения формальной логики негативное влияние климатического фактора в настоящее время должно быть слабее, чем в прошлом. Для защиты от холода теперь необязательны валенки, тяжелые тулупы, шали и шапки-ушанки – появилось много другой, более комфортной и относительно недорогой одежды, способной выполнять эту функцию. К тому же сейчас доля работающих на открытом воздухе намного меньше, чем 30 и более лет назад. Одновременно процент проживающих в бараках и индивидуальных домах, где

необходимо самостоятельно заботиться о тепле в помещениях, стал намного меньше. Поэтому климат не может быть виновным в оттоке населения из восточных и северных районов страны. Можно лишь предположить, что изменилась реакция на климат, т.е. народ стал более изнеженным и болезненнее реагирует на зимние морозы. Но вряд ли эту версию можно проверить.

Транспорт?

А точнее, удаленность от центра и основных мест отдыха, отсутствие для части населения возможности регулярной связи с другими регионами страны, дороговизна транспортных услуг? Подавляющее большинство населения Сибири и Дальнего Востока проживает в крупных городах и вблизи железных дорог, и лишь для относительно небольшой части условия транспортного обслуживания ухудшились. Можно предположить, что это является не причиной оттока населения, а скорее следствием. Например, частые авиарейсы в ставшие малочисленными города и поселки экономически нерентабельны.

Для основной части населения Сибири и Дальнего Востока условия транспортного обслуживания скорее улучшились – более комфортными стали пассажирские поезда, меньше стало авиарейсов, требующих промежуточных посадок ввиду ограниченной дальности полета воздушных судов. А относительно дорогими транспортные услуги были для жителей отдаленных районов и в советские времена. Здесь главная проблема не в ценах, а в доходах. Почему-то они относительно средних по стране сильно упали, и почему-то теперь и высокую зарплату, и рабочее место легче найти в Москве или Санкт-Петербурге, а не в Сибири или на Дальнем Востоке.

В целом транспортная отрасль для Азиатской России намного более значима, чем для большинства других регионов страны. Если в среднем по России доля транспорта в суммарном ВРП составляет 8%, то во многих субъектах азиатской части его роль намного выше. Так, в Приморском и Хабаровском краях на него приходится более 20% валовой добавленной стоимости, в Забайкальском крае – 19,8%, в Амурской области – 16,8%, в Новосибирской – 15,7% (2017 г.). Но эти показатели характеризуют лишь структуру валовых доходов. Современный транспорт уже

не имеет той огромной «поселениеобразующей» роли, как это было в далеком прошлом.

Паровозная тяга и одноколейные железнодорожные пути с избытком разъездов и стрелок, водонапорных башен, складов с углем, поворотных кругов требовали на порядок больше обслуживающего персонала, чем современные магистрали. В итоге мы имеем на фоне быстрого роста грузооборота в восточном направлении по Транссибу и БАМу монотонное снижение численности населения почти всех поселков и городов, расположенных на этих магистралях.

Аналогичное снижение влияния на демографию и масштабы диверсификации экономики имеет место и в отношении водного транспорта – масштабы перевалки грузов через дальневосточные порты растут, но это не останавливает снижения численности населения расположенных рядом городов и поселков, даже таких известных, как Ванино и Находка. Практически незначим для остальной экономики трубопроводный транспорт – по окончании строительства потребность в обслуживающем персонале минимальна.

На изменившуюся не в пользу увеличения численности рабочих мест роль транспорта нельзя, конечно, списать сколь-нибудь существенной части демографических потерь Сибири и Дальнего Востока и сокращения численности занятых в экономике – по сравнению с 1990 г. она уменьшилась примерно на 2,7 млн чел. У столь масштабных процессов должны быть иные причины.

Первый и мощный удар – гиперинфляция

По районам Крайнего Севера Восточной Сибири и Дальнего Востока, где многие территории жили в режиме северного завоза и где отсутствовала круглогодичная связь с «материком», рыночные реформы нанесли наиболее сильный удар. Гиперинфляция 1992–1993 гг. полностью парализовала нормальную хозяйственную деятельность таких территорий. Длина совокупного производственного цикла здесь около года, и если по окончании очередного цикла цены у поставщиков вырастают на порядок, то выручки никак не хватит для закупки того объема средств производства и потребительских товаров, что завозился годом ранее.

Разрушительная сила гиперинфляции очень сильно проявлялась на территории всей страны, ломая сложившуюся систему

снабжения, рассчитанную на закупки крупных партий товаров оптом в расчете на реализацию в течение длительного срока. Но если в местах с круглогодичным транспортным сообщением ее могли заменить более затратные, но адаптированные к инфляции методы снабжения – от мелкого опта до челночной торговли, то для многих северных территорий такая замена была недоступна.

Сохранить экономику и население таких территорий могли только бюджетные деньги, но их выделяли по минимуму. В итоге только за 1992–1995 гг. население Чукотки сократилось на 43%, Магаданской области – на 34%. При такой динамике полностью умирает гражданское строительство – первичный рынок жилья отсутствует, ввода иных объектов социальной инфраструктуры тоже практически нет. А уже имевшийся жилой фонд становится отчасти невостребованным и постепенно разрушается.

Но подавляющая часть экономики Азиатской России находилась в зоне круглогодичной транспортной доступности, поэтому гиперинфляция и просто инфляция вряд ли оказали на неё более значительное негативное воздействие, чем на экономику европейской части. Следовательно, должны быть и другие причины относительного ухудшения экономического положения этой макрзоны. В качестве одной из них можно назвать сам затяжной экономический спад.

В советском прошлом значительная часть экономики Сибири и Дальнего Востока была ориентирована на нужды расширенного воспроизводства, на перспективные растущие потребности в большей степени, чем экономика европейской части России. А они росли очень быстро – в период так называемого «застоя» среднегодовые темпы прироста национального дохода превышали 5%. По многим видам топлива, сырья, металлов, химической продукции Азиатская Россия была основным источником удовлетворения этих растущих потребностей. К тому же после мирового энергетического кризиса 1970-х гг. эффективность добычи топлива и производства энергоёмкой продукции для поставок на внешний рынок значительно увеличилась. Так, рост экспортного потенциала страны также должен был осуществляться в значительной степени за счет Сибири и Дальнего Востока.

О растущих в перспективе потребностях после 1991 г. уже не думали, инвестиции в экономику Азиатской России надолго стали ненужными. Внутренний спрос стремительно сокращался,

заметно ухудшалась и внешнеэкономическая конъюнктура. Эффективность экспорта падала в связи с быстрым ростом реального обменного курса рубля (темпы роста цен на внутреннем рынке сильно опережали рост курса доллара), что приводило к снижению покупательной способности рублевого эквивалента валютной выручки на внутреннем рынке.

Переход на позитивную траекторию экономического роста с 1999 г. не был аналогом того расширенного воспроизводства, который имел место в СССР. Если для советского периода расширение производства было напрямую связано с новым строительством и вводом новых производственных мощностей, то с 1999 г. рост производства осуществлялся поначалу в основном за счет повышения загрузки уже имевшихся.

Вторая особенность этого периода – рост потребления опережал рост производства вследствие появившейся возможности быстро наращивать объемы импорта. При этом внутренний спрос на электроэнергию, уголь, нефтепродукты, черные и цветные металлы рос крайне медленно. Лишь к 2017 г. потребление электроэнергии в стране вернулось к уровню 1990 г., а потребление дизельного топлива до сих пор ниже дореформенных объемов. Актуальность строительства новых электростанций, крупных нефтеперерабатывающих и металлургических заводов с точки зрения обеспечения растущих внутренних потребностей далека от той, которая была в советский период.

Второе десятилетие нынешнего века отличается крайне низкими темпами экономического роста, что, согласно той логике, которая использовалась выше, не должно было способствовать изменению пространственной структуры экономики в пользу азиатской части страны. В этих условиях более благоприятную, чем в Европейской России, динамику ВРП могут обеспечить только экспортоориентированные отрасли. Их развитие в настоящее время является главной причиной относительной стабилизации пространственной структуры экономики страны в разрезе Европа-Азия. Минимальный уровень азиатской части в суммарных производственных итогах был достигнут в 2008 г. (23,9%), потом он, хотя и не монотонно, стал повышаться.

Однако ориентация на внешний рынок не имеет столь значимых позитивных последствий для экономики в целом, как ее развитие вследствие роста спроса на внутреннем рынке. Крупные

импортеры предпочитают покупать топливо и сырье, реже – продукты первичной переработки, особенно энергоемкие. Это обходится дешевле, а глубокую переработку они могут сделать сами. Кроме того, природное топливо и полуфабрикаты часто более транспортабельны, чем продукты глубокой переработки. Влияние внутреннего спроса на экономику совсем иное, потребителям нужна не нефть, а нефтепродукты, не просто металл, а изделия из него, не круглый лес, а пиломатериалы, фанера, бумага и т.д.

Проблема не в плохой широте и долготе и не в отдаленности – на европейской «периферии» ничуть не лучше

Анализ экономических показателей в разрезе крупных макрорайонов имеет существенный недостаток, не позволяющий обнаружить отдельные важные особенности формирования пространственной структуры экономики. И если «копнуть чуть глубже», можно обнаружить важнейшую причину изменения этой структуры, которая сопоставима или даже превосходит по своей значимости все остальные причины отставания азиатской части России по динамике номинального ВРП и по динамике населения.

Как показывают приведенные в таблице 3 данные, изменение пространственной структуры обусловлено в большей степени тем, что на территории европейской части сконцентрировано руководство нашей экономики в лице головных контор государственных и частных корпораций, производственных и финансовых. Эффект влияния «столичного фактора» на пространственную структуру был бы еще большим, если бы Росстат включил в суммарный ВРП все итоги финансовой деятельности, поскольку в Москве регистрируется почти вся прибыль российских финансовых институтов.

**Таблица 3. Пространственная структура суммарного ВРП РФ
в 1995 г., 2017 г., %**

Регион	1995	2017	Изменение (п.п.)	Изменение
Европейская Россия	71,50	75,00	+3,50	+4,9
В том числе без Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга	55,19	43,60	-11,59	-21,0
Москва, Московская область и Санкт-Петербург	16,31	31,40	+15,09	+92,5
Азиатская Россия	28,50	25,00	-3,50	-12,3

«Освобожденная» от столичного региона и Санкт-Петербурга европейская часть России показывает заметно худшую динамику номинального ВРП по сравнению с азиатской частью. Ее доля сократилась на 21%, или в 1,27 раза против 12,3%, или в 1,14 раза у азиатской части. Так что то противоречие, о котором упоминалось в начале статьи, это феномен не только азиатской части, а всей «периферии». И «европейская периферия», т.е. европейская часть страны без столичного региона и Санкт-Петербурга, от произошедших после 1995 г. перемен в регистрации доходов от экономической деятельности пострадала даже больше, чем Сибирь и Дальний Восток. Причем нужно иметь в виду, что численность населения «европейской периферии» выросла, а азиатской части страны уменьшилась. Так что по итогам экономического соревнования между этими зонами азиатская часть является бесспорным победителем.

Более детальные исследования показывают, что «европейская периферия», как и азиатская часть – это совокупность разнообразных территорий с совершенно разными трендами социально-экономического развития. И если в целом по «европейской периферии» за годы рыночных реформ население увеличилось, то демографические итоги многих субъектов Федерации здесь намного более печальны, чем на востоке страны. И эти итоги уходят своими корнями еще в далекое советское прошлое. Так, на начало 2019 г. численность населения 13 субъектов Федерации Центрального федерального округа была меньше, чем по итогам первой послевоенной переписи. В целом по округу, за вычетом Москвы и Московской области, население сократилось на 3,4 млн чел. По сравнению с 1959 г.!

Возврат к советским трендам маловероятен

Перспективы развития Азиатской России осложняются в настоящее время разными причинами, и среди важнейших отметим следующие.

1. Советская система освоения новых территорий была ориентирована прежде всего на постоянное население и сопро-вождалась строительством новых городов и поселков, которые появлялись вблизи крупных месторождений, крупных ГЭС и имели более или менее диверсифицированную экономику. То есть прирост добавленной стоимости далеко не ограничивался только

тем, который обеспечивала добыча и транспортировка нефти и газа, выработка электроэнергии и т.п.

Сейчас по вполне понятным экономическим соображениям ставка делается на вахтовиков. Так, в XX в. началась добыча нефти в южной части Тюменской области, сейчас она уже превышает 12 млн т. Но ни одного нового города или даже поселка в местах добычи не появилось. Не появилось их и в Красноярском крае, и в Иркутской области, где масштабы добычи еще больше. Ни во время строительства, ни после него не появились новые города и поселки вблизи Бурейской и Богучанской ГЭС, а в ближайших от них поселениях население продолжает сокращаться. А при отсутствии постоянного населения нет развития отраслей, ориентированных на его обслуживание, следовательно, нет и того дополнительного прироста производства, который имел бы место в советские времена.

2. Те методы стимулирования притока населения в восточные районы страны, которые использовались в советские времена, часто никак не были обусловлены повышенной эффективностью производства или производительностью труда. Официально они вводились «с целью компенсации дополнительных издержек», имеющих место вследствие климатических условий. Формально региональные коэффициенты к заработной плате и северные надбавки сохранились, но уменьшилась база для их начисления, и они во многих случаях уже не работают или не являются столь сильным стимулом для переезда в Сибирь или на Дальний Восток, как это было в прошлом. После привязки заработной платы работников главных отраслей бюджетной сферы к средней по субъекту Федерации принцип равной оплаты за равный труд был официально похоронен даже для этих категорий занятых в экономике.

3. В отношении отдельных отраслей экономики, прежде всего, сельского хозяйства применялись дополнительные и очень результативные методы поддержания и развития. В СССР дифференциальная рента, обусловленная различиями в плодородии почв, изымалась путем зонально дифференцированных закупочных цен, и в восточных и северных регионах они были выше. По продукции животноводства могли различаться в разы. Только по этой причине на Чукотке поголовье крупного рогатого скота достигало 3,6 тыс. голов (сейчас его там почти не осталось – 0,0 тыс., т.е. менее 50 голов), в Магаданской области осталось 3,6 тыс. голов против

43,1 тыс. в 1990 г. Сейчас зонально дифференцированных в соответствии с издержками производства закупочных цен нет, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для сельского хозяйства северных и восточных районов. Доля Азиатской России в суммарных итогах сельскохозяйственного производства монотонно снижается от пятилетки к пятилетке, и в отношении этой отрасли ничего нельзя списать на «столичный фактор».

4. Значительное влияние на пространственную структуру экономики через изменение потребности в численности занятых играет трудосберегающий технический прогресс. И опять не в пользу регионов с суровыми природно-климатическими условиями. Производство техники, обеспечивающей существенный рост производительности труда, может быть на очень большом отдалении от тех мест, где она применяется. Сейчас, например, даже у «черных лесорубов», использующих на лесозаготовках далеко не самую лучшую технику, производительность труда выше, чем в далеком прошлом, когда главными инструментами были ручные бензопилы и топоры.

5. «За морем телушка – полушка, да рубль перевоз». Эта старая поговорка в значительной мере утратила свою силу. Когда-то многие скоропортящиеся товары необходимо было производить на местах, альтернативы не было или она была очень дорогой. Молоко быстро расслаивалось и скисало даже в холодильниках, хлеб даже при не очень длительном хранении плесневел. Современные молочные продукты и хлебобулочные изделия могут сохранять свои потребительские качества неделю-две и даже больше. Поэтому острой необходимости иметь соответствующие производства повсеместно нет. В настоящее время производство многих промышленных товаров требует реализации эффекта масштаба, т.е. больших рынков сбыта. В советские времена телевизоры производили и в Новосибирске, и в Омске, и в Красноярске. Это был хотя и конвейерный, но ручной труд, от рассредоточения производства его издержки, конечно, возрастали, но ненамного, а транспортные затраты были намного более значимы, чем в настоящее время для современных телевизоров, которые раз в пять более легкие и компактные.

Наиболее печальными итоги рыночных реформ стали для сельского населения и населения малых городов и поселков городского типа. Причем эти итоги еще далеко не окончательные.

В целом это общероссийская проблема, но ее последствия для азиатской части страны более значимы, чем для европейской. Помимо упомянутого выше значительного уменьшения «поселениеобразующей» роли транспорта и более сильного падения доходов по сравнению с населением больших городов, здесь огромное влияние имеют изменения, произошедшие в сельском хозяйстве – как в технологиях, так и в структуре производства. Постоянного, ежедневного присутствия работников в сельской «глубинке» более всего требует крупный рогатый скот, нуждающийся в пастбищах и сенокосах. Но он сейчас «не в моде» – поголовье с 1990 г. сократилось более чем в три раза и никаких серьезных признаков хотя бы частичного его восстановления в перспективе пока не наблюдается.

Птицеводство и свиноводство тяготеют к потребителю, т.е. концентрируются вблизи крупных городов. К тому же эти виды деятельности лишь по статистике сельское хозяйство, а по сути – промышленность, поскольку для них не нужны ни пастбища, ни даже солнечный свет, поэтому такие предприятия можно размещать и в городской черте. Вблизи крупных городов концентрируются и тепличные хозяйства, и овощеводство на открытом грунте. Богарное же растениеводство, т.е. не требующее полива, в постоянном присутствии работников не нуждается и потому может обслуживаться вахтовым методом.

По этой причине и вследствие значительного роста производительности труда спрос на рабочую силу в сельской глубинке сильно сократился и будет сокращаться впредь. Особенно в азиатской части страны, где самые трудоемкие виды сельскохозяйственной деятельности типа выращивания плодов и ягод практически исчезли.

Сокращение численности населения сёл и небольших поселков не может рассматриваться как движение к балансу спроса и предложения на рабочую силу – «ставшие лишними уедут, и все стабилизируется». На уровне отдельных поселений такие теории часто не работают, поскольку выбытие части населения ухудшает условия жизни и деятельности оставшихся из-за сокращения перечня и снижения качества тех услуг, в которых они нуждаются. Без почты и банковского офиса прожить еще можно, но закрытие школ, больниц и аптечных пунктов, магазинов и предприятий сферы обслуживания, отмена регулярного

транспортного сообщения из-за сокращения численности проживающих приводит к дальнейшему его сокращению, часто до полной ликвидации поселений.

Для значительной части жителей европейской части страны, проживающих в мелких поселениях, при таком сценарии остается промежуточный допустимый вариант – живу здесь, а работаю в городе, так как до места работы добираться лишь 1–2 часа или того меньше. В таком режиме живут и работают многие жители Подмоскovie и пригородных зон других городов. В городе же можно удовлетворять основные потребности в товарах и услугах. В азиатской части страны процент жителей, которые могут позволить себе подобный режим жизнедеятельности, намного меньше вследствие больших расстояний и менее развитой транспортной сети.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что специфических, присущих лишь азиатской части страны или ее территориям с самыми экстремальными климатическими условиями факторов, определяющих специфику развития экономики и изменения ее пространственной структуры, нет. Эти факторы действуют по всей России, но их проекция на азиатскую часть приводит к более сильным негативным последствиям, чем в европейской части. Противоречие между богатой ресурсной базой и пониженными темпами роста номинального ВРП и доходов населения объясняется двумя основными причинами. Это, во-первых, изменившееся соотношение между центром и периферией в борьбе за распределение доходов от экономической деятельности. Во-вторых – последствия коррекции прежних, советских методов освоения новых территорий и стимулирования переселения населения в малообжитые регионы в сторону современных рыночных критериев. Эта коррекция еще далеко не закончена, и сила ее достаточно велика, чтобы противостоять совокупности тех факторов, которые могут восстановить опережающий тренд экономического развития Сибири и Дальнего Востока.

Сможет ли Азиатская Россия полностью вернуть себе утраченные позиции или даже превзойти их в перспективе? Вероятно, в какой-то мере это произойдет, так как возможности дальнейшей концентрации регистрации итогов экономической деятельности в столичном регионе уже почти исчерпаны, и его будущее благополучие сейчас неразрывно связано с развитием экономики

«периферийной» части России. Но такой динамики развития Азиатской России, какая имела место в советский период, уже, скорее всего, не будет.

Литература

Аганбегян А. Г., Ибрагимова З. М. Сибирь на рубеже веков. М.: Советская Россия, 1984. 252 с.

Аганбегян А. Г., Ибрагимова З. М. Сибирь не понаслышке. М.: Молодая гвардия, 1981. 252 с.

Данилов-Данильян В. Книжка Паршева – бальзам для патриотов самого разного толка, но с содержательной точки зрения – чушь. Интервью от 19.02.2002. URL: <http://www.r-reforms.ru/indexpub190.htm> (дата обращения: 15.03.2020).

Ершов Ю. С. Межрегиональная дифференциация, регионы-доноры и регионы-реципиенты: многообразие оценок и выводов // Регион: экономика и социология. 2019. № 1. С. 3–22.

Ершов Ю. С. Особенности национальной экономики, или почему Россия не стала Америкой. И не будет, если... // ЭКО. 2016а. № 2. С. 69–92.

Ершов Ю. С. Особенности национальной экономики, или почему Россия не стала Америкой. И не будет, если... (окончание) // ЭКО. 2016б. № 3. С. 6–29.

Мельникова Л. В. А была ли дискуссия? // ЭКО. 2005. № 12. С. 67–85.

Мельникова Л. В. Освоение Сибири: ревнивый взгляд из-за рубежа // ЭКО. 2004. № 6. С. 99–119.

Орешкин Д. Климат и А. П. Паршев как жертвы аборта. URL: <https://web.archive.org/web/20190503143411/http://www.libros.am/book/read/id/156580/slug/klimat-i-a-p-parshhev-kak-zhertvy-aborta> (дата обращения: 15.03.2020).

Орлов Б. П. Сибирь сегодня: проблемы и решения. М.: Мысль, 1974. 208 с.

Очерки экономики Сибири / ИЭОПП СО АН СССР. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1980. 352 с.

Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост-9Д, 2001. 411 с.

Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе / Отв. ред. М. К. Бандман, В. А. Калмык, Б. П. Орлов, З. Р. Цимдина; ИЭОПП СО АН СССР. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1980. 336 с.

Сибирь в первом десятилетии XXI века / Отв. ред. В. В. Кулешов. Новосибирск, Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. 788 с.

Сибирь на пороге нового тысячелетия / Отв. ред. В. В. Кулешов, ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, 1999. 296 с.

Современная роль экономики Сибири в народнохозяйственном комплексе России / Под ред. В. В. Кулешова. ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, 2014. 326 с.

Ханин Г. И. Почему Россия не Америка. Размышления над книгой. URL: http://www.ieie.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/03_01/Hanin.htm

Akhtamov E., Bezrukov L., Bragin V., Brukhanova E., Danilova V., Efimov A., Efimov V., Ershov Y., Gergilev D., Kolomyts L., Kozyr V., Krukov V., Lapteva A., Makarov I., Malov V., Sarchenko V., Shishatsky N., Tarasova O., Voronov Yu. Siberia and the Far East in XXI Century: Problems and Perspectives of Development: Scientific Report: Translated from Russian / ed. by V. Efimov; Siberian Federal University, Strategic Research Fund "Siberian Club". Krasnoyarsk: SibFU, 2017. 182 p.

Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Brookings Institution Press, 2003. 240 p.

Landes D. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some are so Rich and Some so Poor. N.Y.: Norton, 1998. XXII, 650 p.

Yershov Yu. S. Features of Regional Economic Development in Russia in 1999–2013. DOI: 10.1134/S2079970516040079 // Regional Research of Russia. 2016. Vol. 6, Is. 4. P. 281–291.

Статья поступила 17.01.2020.

Статья принята к публикации 26.01.2020.

Для цитирования: *Ершов Ю. С., Тарасова О. В.* Азиатская Россия – основные противоречия современного развития // ЭКО. 2020. № 8. С. 8-30. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-8-30.

Summary

Ershov, Yu.S., Tarasova, O. V., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

Asian Russia – Main Contradictions of Current Development

Abstract. The paper explains why Siberia and the Far East, which are many times superior to the European part of the country in terms of territory and availability of natural resources, since the beginning of market reforms, have changed their development trend to a slower one (relative to the Russia's average). This trend has led to a drop in the share of the macro-region in the total GRP, population and employment in the economy. The main reasons for such changes in the spatial structure of the economy, which are directly opposite to those that took place in the Soviet period, are shown. These factors do not include climate differences or transportation distances – these factors have existed in the past. The first reason for the trend change is a long and deep economic crisis, which caused a sharp reduction in investment and new construction, which previously provided the accelerated growth of Asian Russia's economy. The second is a change in the distribution of income from economic activities between direct producers and other participants in this activity. It is noted that the main consequence of these changes is concentration of income in the capital region, and that the European “periphery” has suffered even more than Asian Russia.

Keywords: population; spatial structure of production; growth rate; climate; transport; income distribution; correction

References

Aganbegyan, A.G. Ibragimova, Z.M. (1981). Siberia not by Hearsay. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ., 252 p. (In Russ.).

Aganbegyan, A.G., Ibragimova, Z.M. (1984). Siberia at the Turn of the Century. Moscow. Soviet Russia Publ., 252 p. (In Russ.).

Akhtamov, E., Bezrukov, L., Bragin, V., Brukhanova, E., Danilova, V., Efimov, A., Efimov, V., Ershov, Y., Gergilev, D., Kolomyts, L., Kozyr, V., Krukov, V., Lapteva, A., Makarov, I., Malov, V., Sarchenko, V., Shishatsky, N., Tarasova, O., Voronov, Yu. (2017). Siberia and the Far East in XXI Century: Problems and Perspectives

of Development: Scientific Report: Translated from Russian. ed. by V. Efimov; Siberian Federal University, Strategic Research Fund "Siberian Club". Krasnoyarsk: SibFU, 182 p.

Danilov-Danilyan, V. (2002). Parshev's book is a balm for patriots of all sorts, but from a meaningful point of view – nonsense. Interview from 19.02. Available at: <http://www.r-reforms.ru/indexpub190.htm> (accessed 15.03.2020).

Ershov, Yu.S. (2016). Features of the national economy, or why Russia did not become America. And it won't be if... (ending). *ECO*. No. 3. Pp. 6–29. (In Russ.).

Ershov, Yu.S. (2016). Features of the national economy, or why Russia did not become America. And it won't be if... *ECO*. No. 2. Pp. 69–92. (In Russ.).

Essays on the Economy of Siberia. (1980). IEIE SB AS USSR. Novosibirsk. Nauka Publ., SB, 352 p. (In Russ.).

Hill, F., Gaddy, C. (2003). *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Brookings Institution Press. 240 p.

Khanin, G.I. Why Russia is not America. Reflections on the book. Available at: http://www.ieie.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/03_01/Hanin.htm (accessed 15.03.2020).

Melnikova, L.V. (2004). Development of Siberia: a jealous view from abroad. *ECO*. No. 6. Pp. 99–119. (In Russ.).

Melnikova, L.V. (2005). Was there a discussion? *ECO*. No. 12. Pp. 67–85. (In Russ.).

Modern role of the economy of Siberia in the national economic complex of Russia. (2014). ed. by V.V. Kuleshov. IEIE SB RAS, Novosibirsk. 326 p. (In Russ.).

Oreshkin, D. Climate and A.P. Parshev as victims of abortion. Available at URL: <https://web.archive.org/web/20190503143411/http://www.libros.am/book/read/id/156580/slug/klimat-i-a-p-parshev-kak-zhertvy-aborta> (accessed 15.03.2020).

Orlov, B.P. (1974). *Siberia today: problems and solutions*. Moscow Misl Publ., 208 p. (In Russ.).

Parshev, A.P. (2001). *Why Russia is not America*. Moscow: Krymsky most-9D. 411 p. (In Russ.).

Siberia in a single national economic complex. (1980). ed. M.K. Bandman, V.A. Kalmyk, B.P. Orlov, Z.R. Tsimdina; ieopp SB as USSR. Novosibirsk. Nauka Publ. SB, 336 p. (In Russ.).

Siberia in the first decade of the XXI century. (2008). ed. Novosibirsk, Publishing house of IEIE SB RAS, 788 p. (In Russ.).

Siberia on the threshold of the new Millennium. (1999). ed. V.V. Kuleshov, IEIE SB RAS, Novosibirsk. 296 p. (In Russ.).

Yershov, Yu.S. (2019). Interregional differentiation, donor regions and recipient regions: diversity of assessments and conclusions. *Region: Economics and sociology*. No. 1. Pp. 3–22. (In Russ.).

Yershov, Yu.S. (2016). Features of Regional Economic Development in Russia in 1999–2013. DOI: 10.1134/S2079970516040079. *Regional Research of Russia*. Vol. 6. Is. 4. Pp. 281–291.

For citation: Ershov, Yu.S., Tarasova, O.V. (2020). Asian Russia – Main Contradictions of Current Development. *ECO*. No. 8. Pp. 8-30. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-8-30.